

«Тренер обязан досконально изучить своего ученика. Иначе трудно найти ту точку, вокруг которой можно заложить фундамент будущих взаимоотношений, а главное — самой игры. В случае с десятилетним Мишей Южным этой точкой опоры был его характер — взрывной, нетерпеливый, по-хорошему агрессивный».

*Борис Собкин,
заслуженный тренер России*

Оглавление

Вместо предисловия.....9

Пролог13

Часть I

Диагональ во второй квадрат

1. Детство21

2. Ширяевка36

3. Болбой48

4. Юниор62

5. Новичок.....80

6. Первая сотня94

7. 2002.....107

8. Сборная.....121

9. «Берси»136

Часть II

Год на год не приходится

10. Двадцатка155

11. Спецодежда170

12. Медицинские показания187

13. Сезон шести финалов199

Оглавление

14. Кровопускание	219
15. Моя любовь	231
16. Итоговый под корюшку	240
17. Трещина	261
18. Реальная политика	274
19. Немного о паре	286
20. Сердцевед	299

Часть III

Матч со временем

21. Гордыня	319
22. Играть, но не умирать	340
23. Последний сезон	361
24. Расставание	370
25. Что дальше	378
Эпилог	388
Михаил Южный	391
Алфавитный указатель	394

Один из лучших российских теннисистов Михаил Южный — спортсмен с не самой простой судьбой и особенной биографией. В 2002 году в Париже, будучи в сборной России запасным, он стал первым участником за всю историю Кубка Дэвиса, который вырвал победу в решающей встрече финального матча после того, как проиграл первые две партии. Обладатель десяти титулов Ассоциации теннисистов-профессионалов (АТР) в одиночном разряде вспоминает свои яркие взлеты и откровенно анализирует обидные ошибки, дает характеристики знаменитым соперникам, рассказывает об интересных людях, которые помогали ему на протяжении карьеры. Литературную запись автобиографии Михаила Южного подготовил корреспондент ИД «Коммерсантъ» Евгений Федяков, который был свидетелем главных эпизодов карьеры теннисиста.

Пролог

20 сентября 2018 года.

Санкт-Петербург

ТЕЛЕФОН ПРОКУКАРЕКАЛ ДЕВЯТЬ ЧАСОВ. В молодости я возил с собой на юношеские турниры маленький портативный магнитофон с функцией будильника, а сейчас устанавливаю на айфоне обычную мелодию. Правда, на этой неделе она звучит вхолостую. В сентябре блистательный Санкт-Петербург еще не до конца расплескал энергию лета, которая позволяет городу не спать сутками, и по утрам ты чувствуешь себя бодрячком. Вот несколько лет назад, когда питерский турнир проходил в октябре, проснуться здесь самостоятельно было почти нереально, особенно после вечерних матчей. В хмурую промозглую погоду перед завтраком приходилось насильно отрывать себя от кровати.

Сегодня — не самый обычный день. Возможно, последний день в моей карьере профессионального теннисиста. В подобных случаях вроде бы положено волноваться, но моя голова свободна от переживаний. Я хорошо знаю, как надо играть с испанцем Роберто Баутистой Агутом — очень тяжелым и тягучим по стилю игры соперником, которого многие считают одним из самых недооценен-

ных теннисистов мира. В то же время я твердо убежден, что в случае поражения никакой трагедии не произойдет. О завершении моей карьеры в Питере было объявлено два месяца назад, и я давно не сомневаюсь, что принял верное и, главное, своевременное решение. О чем тут еще рассуждать?

St. Petersburg Open — турнир сравнительно небольшой, но здесь всегда умели принимать игроков. Мы с моей женой Юлей и младшим сыном Игорем живем в пятизвездочной гостинице Four Seasons Hotel Lion Palace. Это бывшая дворянская резиденция, построенная в стиле высокий классицизм знаменитым архитектором Огюстом Монферраном — творцом Александровской колонны и Исаакиевского собора, который находится неподалеку. Трехэтажному зданию, выкрашенному в желтый цвет, ровно два века. Внутри — идеально отреставрированные лестница и вестибюль, снаружи — восемь белых колонн по центру фасада, еще по три — с левой и правой стороны. Совсем рядом — Адмиралтейство и Медный всадник. Это место дышит историей. Немногие теннисные турниры готовы предоставить гостям такие изумительные условия.

У нас великолепный двухкомнатный номер. На всю восточную сторону отеля — только один балкон, и он — наш. Наверное, летом по утрам там можно приятно проводить время, но сейчас довольно прохладно, да и просто не до того. Игорь уже на ногах, смотрит свои мультики. Со второго дня пребывания в Питере он задает по утрам один и тот же вопрос — когда поедем на корты? Ведь там его ждут любимые аниматоры.

Мой шестилетний сын, который уже успел повидать немало отличных гостиниц, привык к комфорту. Его не удивишь даже самым изысканным интерьером. А я вспоминаю, как в детстве во время очередного турнира в Сочи

О ЗАВЕРШЕНИИ МОЕЙ
КАРЬЕРЫ В ПИТЕРЕ БЫЛО
ОБЪЯВЛЕНО ДВА МЕСЯЦА
НАЗАД, И Я ДАВНО НЕ
СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО ПРИНЯЛ
ВЕРНОЕ И, ГЛАВНОЕ,
СВОЕВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ.

мы с Маратом Сафиним случайно оказались в холле роскошного по тем временам для России отеля «Рэдиссон Лазурная». Его убранство произвело на меня такое сильное впечатление, что я от потрясения даже разинул рот. Папа Марата тогда пообещал, что, если мы будем хорошо играть, такие гостиницы станут для нас нормой. Кажется, что это было совсем недавно, хотя на самом деле — больше двадцати лет назад.

День начинается с завтрака. Кухня здесь на уровне. В ресторане, расположенном под стеклянной крышей, предлагают утренние смузи из различных ингредиентов, причем обязательно с сельдереем. Но сегодня я заказываю свежавыжатый лимонный сок, прекрасный источник витамина С, яйца «Бенедикт» со слабосоленой красной рыбой и блины с красной икрой. Немного красивой жизни на финише карьеры. Почему бы и нет? За соседним столиком уже допивает чай Борис Львович Собкин — человек, который тренирует меня 25 лет. За это время мы вместе выиграли множество важных матчей и потерпели немало обидных поражений, иногда ссорились, но потом обязательно мирились. Потому что я давно понял, что лучшего тренера мне не найти.

Мы тоже не засиживаемся, и под конец семейной трапезы Игорь просит немного попинать в номере детский футбольный мяч. Комнатный футбол — наше традиционное занятие. Много лет назад мы с моим старшим братом Андреем на радость соседям с нижнего этажа проводили в коридоре суперсерии по хоккею с мячом, используя вместо клюшек деревянные теннисные ракетки. А еще говорят, что сыновья не во всем повторяют своих родителей!

Вставая на ворота, которые изображает дверной проем, я позволяю себе немного поразмышлять про себя над тем, хорошо ли профессиональному теннисисту приезжать на

турниры вместе с маленькими детьми. У меня в подобных случаях наступало какое-то внутреннее умиротворение, поэтому я всегда считал, что малышам лучше сидеть дома. Конечно, когда ребенок рядом, ты испытываешь настоящее счастье. Но в то же время у тебя неизбежно рассеивается внимание, которое необходимо акцентировать на профессиональных вопросах. В конце концов, самые элементарные вещи никто не отменял. Ты же не можешь объяснить двухлетнему пацану, который прилетел из Москвы в Калифорнию и не успел перестроиться к смене часовых поясов, что в три ночи прыгать с кровати рано, а днем у тебя ответственный матч. Либо ты, подобно Роджеру Федереру, должен нанимать несколько няnek, но это немного другой уровень организации процесса, который по карману не всем.

К счастью, меня эта тема уже почти не касается. Серия пенальти остается за Игорем, и в одиннадцать утра у меня по плану разминка в тренажерном зале с моим физиотерапевтом. Таиландец Йотсапхол Проммон, которого мы по-дружески называем Эдди, — мастер своего дела и замечательный человек, хороший товарищ, без которого моя карьера, скорее всего, закончилась бы немного раньше. Примерно полчаса я кручу велосипед, работаю на беговой дорожке, хорошенько растягиваюсь. Отличный способ держать себя в хорошем тоне, не слишком напрягаясь. А потом принимаю душ, и мы с Юлей и Игорем идем гулять.

Прогулки по центру Питера вошли у меня в привычку еще с тех пор, когда турнир проводился в Спортивно-концертном комплексе около парка Победы, а официальной гостиницей был «Гранд-отель Европа», расположенный неподалеку от Русского музея. Если турнир проходит в зале и ты практически весь день вынужден находиться в поме-

щении, продышаться 40 минут на свежем воздухе — великая вещь. Раньше я часто наматывал круги вокруг Дворцовой площади, по набережным Невы и канала Грибоедова, но с Игорем у нас другой маршрут. Сегодня мы собрались зайти в клубный магазин «Зенита», который находится на углу Невского проспекта и Мойки, и посмотреть что-нибудь из его любимого конструктора Lego.

С погодой повезло, но в отеле меня уже поджидают большой чехол с шестью ракетками и сумка с формой. После возвращения с прогулки пора на «Сибур Арену», и микроавтобус с логотипом St. Petersburg Open отвозит нас на Крестовский остров. План действий перед матчем, который начинается во второй половине дня, но не очень поздно, расписан годами. Первым делом — легкий перекус в players lounge — специальной зоне для отдыха игроков. Она везде разная, но здесь спроектирована очень толково. Слева — отличный ресторан, справа — помещение с диванами, телевизорами и компьютерами. После ланча Игорь отправляется к своим знакомым аниматорам, а я — на разминку с Борисом Львовичем и легкий массаж с Эдди. В моем возрасте он просто необходим.

Вот и вся моя нехитрая подготовка к матчу. До встречи с Баутистой Агутом остается совсем немного. Через несколько часов станет ясно, продлю ли я жизнь профессионального теннисиста еще на сутки, или счетчик моих побед на турнирах АТР навсегда остановится на числе 499. Оно, конечно, немного странное для окончания карьеры, отдает недосказанностью, но мне, по большому счету, уже неважно. Все, что можно по этому поводу, давно отболело. А цифры... Они останутся всего лишь цифрами.

Часть I

ДИАГОНАЛЬ
ВО ВТОРОЙ КВАДРАТ

1

Детство

Подарок папе от мамы. — Деревенские приключения. — Багира из Икши. — Хождение по карнизам. — Вареные яйца для соседей. — Мячи с балкона. — Армейское воспитание. — Побег из детского сада и школы. — Мои десять классов.

Я РОДИЛСЯ В ПЯТНИЦУ, 25 ИЮНЯ 1982 ГОДА, и по меркам нашей семьи это событие стало настоящей сенсацией. Дело в том, что врачи ожидали его примерно на месяц позже. К тому же именно 25 июня, только 1947 года, родился мой папа.

Сын артиллериста и офицер войск химической защиты, папа прекрасно знал правило про тот снаряд, который не попадает дважды в одну воронку, поэтому свое 35-летие отмечал на работе со спокойной душой. Но жизнь внесла свои коррективы. Мама со мной в животе и моим двухлетним братом Андреем в коляске тогда жила на даче у папиных родителей в районе Икши, небольшого поселка неподалеку от Икшинского водохранилища и примерно в 50 км к северу от Москвы. И за пару дней до папиного

дня рождения не очень удачно приподняла то ли коляску Андрея, то ли его самого, то ли их вместе.

Последствия не заставили себя слишком уж долго ждать. О мобильной связи тогда даже не мечтали, и, приехав в Икшу перед выходными после дружеского застолья, папа, к своему удивлению, обнаружил, что в его семье вот-вот произойдет пополнение. Поскольку вопрос требовал оперативного решения, мои будущие родные срочно снарядили семейные «Жигули», посадили за руль дедушку, рядом — папу, который еще не до конца отошел от праздника, а на заднее сиденье — маму и срочно помчались в Сокольники, где в роддоме 33-й больницы¹ работала гинекологом папина сестра.

Потом мне рассказывали, что тетя Наташа сама рвалась принимать роды, но ее, как родственницу мамы, отправили заниматься другими делами. Это, однако, не помешало маме сделать папе самый запоминающийся подарок ко дню рождения. Примерно в 22.45 я успешно появился на свет.

* * *

Наша семья ничем не выделялась из общей массы московских семей того времени. Первые годы своей жизни я провел в пятиэтажке на Очаковском шоссе, в квартире с шестиметровой кухней и двумя смежными комнатами. Одну из них занимали мамины родители — бабушка Тоня и дедушка Леша, — другую, проходную — мы вчетвером, и еще с нами жил померанский шпиц Умка.

В моей памяти тот период сохранился плохо, лишь отдельными туманными вкраплениями, зато трехкомнат-

¹ В настоящее время — больница им. Братьев Бахрушиных.

ную квартиру в Раменках, куда мы переехали, когда мне исполнилось четыре года, я прекрасно помню. Это было уже вполне комфортное жилье. У папы с мамой появилась отдельная спальня, у нас с Андреем — своя комната, где мы спали на одном раскладывавшемся диване. А в гостиной стояли телевизор и проигрыватель «Аккорд», которым, кстати, пользоваться я толком так и не научился. На пластинках, попадавших в мои руки, почему-то регулярно появлялись царяпины.

Тогда я, разумеется, совершенно не представлял, сколь интересными и одновременно непростыми были конец 1980-х и начало 1990-х годов. Старшие ограждали нас с Андреем от каких бы то ни было проблем, делали все от них зависящее для того, чтобы наше детство было счастливым. Не забывая о дисциплине, мама, папа, бабушки и дедушки растили нас в большой любви. И по-настоящему понимать, чего им это стоило, я, кажется, начинаю лишь теперь, когда у меня самого трое детей.

Самым мягким по отношению к нам был дедушка Леша, который очень любил черный чай и считал, что настоящий москвич должен пить его только горячим. Он прощал внукам даже то, что прощать не стоило. Мне было семь или восемь лет, когда по моей вине дедушке поранил ногу соскочивший с пенька брусок для заточки косы. Другой на его месте устроил бы мальцу хорошую взбучку, но дедушка поступил наоборот. И я до сих пор помню собственные переживания, как на душе скребли кошки и как сильно хотелось поскорее искупить свою вину за собственную неосторожность.

К тому времени дедушка Леша и бабушка Тоня уже практически безвылазно жили в Мишеневе — деревне, которая находится в Старожиловском районе Рязанской

области. Моя прабабушка с бабушкиной стороны нуждалась в постоянном уходе, и им пришлось переехать туда. Мы с Андреем гостили в Мишеневе всего несколько раз примерно по одной неделе. Зато те дни были насыщены яркими событиями. Например, однажды нам со старшим приятелем пришло в голову покататься на грузовике. Идея оказалась весьма плодотворной. Нас искали всей деревней, нашли где-то на расстоянии пяти километров, и я впервые в жизни возвращался домой на соседском мотоцикле с коляской, чему был несказанно рад.

Моя эпизодическая деревенская жизнь — это тарзанка, которая рвалась не один раз, построенный своими руками шалаш и случайно найденный патрон, по детскому недомумию брошенный в костер. Это посиделки с дедушкой за самой простой карточной игрой — в пьяницу и приезжавшая раз в неделю по четвергам автолавка с леденцами — петушками на палочках. На всю жизнь запомнился вкус жареной картошки в бабушкином исполнении и черного хлеба с подсолнечным маслом. А вот от парного молока я особого удовольствия никогда не испытывал. Это был явно не мой деликатес.

К сожалению, сейчас от того Мишенева практически ничего не осталось. Зимуют в деревне один или два человека. Правда, дом наш неплохо сохранился, и мама живет там с апреля по октябрь, заготавливая на зиму банки с соленьями. Летом 2018 года мы с моей женой Юлей впервые привезли туда сыновей. Сначала думали, что ребята с непривычки заскучают, ведь в рязанской глухомани до сих пор нет стабильной мобильной связи с интернетом, но им, наоборот, очень понравилось. И мы вместо суток задержались там на три дня.

Дедушка Леша во время войны был еще подростком и рано встал к слесарному станку, а вот папины роди-